

*Моим любимым людям,
работающим в издательстве «Эксмо»*

Билетер с Барахольщиком взяли брусок
И лопату точили совместно,
Лишь Бобер продолжал вышивать свой
цветок,
Что не очень-то было уместно,
Хоть ему Барабанщик (и Бывший судья)
Объяснил на примерах из жизни,
Как легко к вышиванию шьется статья
Об измене гербу и отчизне.

Льюис Кэрролл, «Охота на Снарка»

— Маша! Где труп?!

Молчание и отдаленное мурлыканье музыки.

— Маша! А, Маша?!

Молчание и музыка, и никаких звуков, свидетельствующих о том, что Маша услышала его призывы.

— Маша!!! Где труп, я тебя спрашиваю?!

Ну что делать? Придется теперь вставать и самому идти на поиски, а не хочется. Он оттолкнулся ногами от массивной тумбы письменного стола, кресло покатило. Сначала оно ехало по паркету и производило некоторый шум, потом въехало на ковер и покатило бесшумно, а когда колесики увязли в ворсе, и вовсе остановилось.

До двери было еще далеко. В кресле не доехать.

Он заворчал, выбрался из кресла, пошел к двери, зацепился за что-то, то ли за край ковра, то ли за ножку книжного шкафа — он всегда и за все цеплялся, потому что видел плохо, — распахнул дверь и заорал:

— Марья!

Последние звуки стихли, и тишина воцарилась в доме.

Он свесился через полированные лестничные перила и проорал в гулкую пустоту:

— Марья, дьявол!..

— Я не дьявол, — проговорили с робким достоинством у него за спиной, зря он свешивался в проем! — Я просто... не слышала. Вам что-нибудь нужно, Дмитрий Андреевич?

— Я Аркадий, — проскрежетал он, — по крайней мере, пока на работе!

Секретарша промолчала, разглядывая свою коричневую папочку. Он помолчал, разглядывая секретаршу, а потом протянул:

— Маша, а, Маша? Где труп?

— Какой именно труп вас интересует, Дмитрий Андреевич?

— Последний.

— У нас два последних.

Он в раздражении почесал за ухом, как большая блохастая собака. Впрочем, на блохастую собаку он похож, пожалуй, не был. Он был похож на ухоженного домашнего пса, искренне недоумевающего, откуда у него могут взяться блохи.

— Ну... бабы этой труп! Где он?!

Вредная Марья сделала вид, что задумалась, и замолчала. Он постоял-постоял возле нее да и ушел в кабинет.

Раз она вредничает, он тоже будет вредничать.

Не пойти за ним она не может, а в кабинете их положение моментально изменится в соответствии с табелью о рангах — он начальник, она подчиненная. В кабинете победа всегда оставалась за ним. В предвкушении этой победы он пинками подогнал кресло к столу, уселся и сложил пальцы домиком, как некий политический деятель недавнего про-

шлого, утверждавший — не без оснований! — что «Россия наш общий дом». Насчет «нас» было до конца неясно, а вот для того политического деятеля Россия — дом родной, это уж точно!

На подоконнике сидел серый дождик в мокром плаще, болтал ногами в резиновых ботах. От его болтания по подоконнику с гулким стуком рассыпались капли.

Дмитрий Андреевич молчал и смотрел на дождь.

Приоткрылась дверь на лестничную площадку, застланную турецким ковром. Он усмехнулся в сложенные пальцы.

— Труп фотомодели Русланы у вас, — сказали от двери. — У меня его нет.

— У меня тем более!

— У вас.

— У меня нет, — повторил он в медленном раздражении. — Найди мне его сейчас же.

Все дело в том, что он «неорганизованный». Если бы он был «организованный», он бы и сам знал, где у него что, и ему не нужна была бы никакая секретарша. А так, раз «неорганизованный», то и получается, что он никогда не знает, что и куда засунул.

Куда он мог засунуть труп?!

— Разрешите, я посмотрю, — вежливо попросила Маша. — Или мне со своего компьютера посмотреть?

— Нет уж, — возмутился он? — смотри с моего! И так сколько времени потеряно!

Она подошла.

Повеяло духами и еще чем-то женским и теплым, как будто ты с холодной улицы, с дождя и ветра, когда кажется, что вот-вот пойдет снег, и дальние тучи сизым краем уже легли на бурую раскисшую землю, и собака трясет ушами и смотрит жалобно и серьезно и просится обратно под крышу,

входишь в домашнее живое тепло, и внутри этого тепла горит камин, букет последних астр сияет в старинной голубой вазе с отколотым лепестком, душистый чай остывает в пузатом чайнике, и в полированной поверхности стола отражаются тонкие руки в рукавах теплого платья.

Вот так ему представлялось. Недаром он был писатель.

Маша положила свою коричневую папочку на круглый шахматный столик — он очень любил этот столик, хоть в шахматы за ним никогда не играл! — и решительно направилась к столу. Так решительно, что ему показалось, будто она засучивает рукава.

Она все делала очень решительно и необыкновенно серьезно, как участковый в кино, который то и дело повторяет суровым голосом: «Я на работе!»

Рукава она засучивать не стала, боком протиснулась к его рабочему месту. Ему почудилось, что она втянула живот.

Ну конечно.

Из чувства противоречия и отчасти затем, чтобы показать, кто в доме хозяин, он не стал вставать, лишь чуть-чуть отъехал в сторону, самую малость. Маша деликатно нагнулась, так, чтобы не поворачиваться к нему задом, уставилась в монитор и ментально распатронила все его файлы.

Он никогда не умел так обращаться с адской машиной. У него она все время «глючила» — глотала страницы, перескакивала из документа в документ, висла и не отправляла почту.

— Ну что? Нашла?!

— Нет пока. Сейчас найду.

— Говорю тебе, что у меня этого трупа нет. Труп мужика есть, а трупа бабы нет! И искать нечего.

— Одну минуточку подождите, Дмитрий Андреевич.

— Ты должна называть меня Аркадий.

— Мне не нравится.

— Какое это имеет значение! Я стал Аркадием задолго до того, как ты родилась.

— Вы себе льстите, — пробормотала непочтительная секретарша Маша. — Вот. Это тот труп, который вы искали?

— Где?

Он уставился в монитор.

Ну, конечно, он знал, что она найдет. Она всегда все находила. Но существовали определенные правила игры, которые нужно соблюдать, и они оба соблюдали их беспрекословно.

Некоторое время он читал, напоминая себе, что должен сохранять на лице недовольную мину. Это был именно тот файл, который потерялся.

Он читал. Маша стояла у него за спиной.

— Ну что, что? Долго ты будешь там торчать? — ворчливо спросил он через некоторое время. — Ну нашла, и спасибо тебе большое!.. Можешь идти.

Маша пошла к выходу и у самой двери остановилась и помедлила. Он видел, что она медлит.

— Что еще?

— Дмитрий Андреевич, нам бы еще киевскую поездку обсудить. Когда мы сможем?..

Он поднял глаза от компьютера.

— Зачем?

Секретарша смотрела, склонив голову, как сорока. Потом моргнула, тоже совершенно по-сорокчи.

— Зачем нам обсуждать киевскую поездку? — спросил он раздраженно. — Ты что, не можешь ее сама с пресс-службой обсудить? Позвони Веснику и все с ним реши. Первый раз, что ли?

— Не первый, — с тихим упрямством сказала секретарша, — мы с Ильей Юрьевичем уже все обсудили, и теперь нужно, чтобы вы сами... Чтобы вы одобрили программу.

Он пробарабанил пальцами по клавиатуре и как будто выстрелил длинную фразу.

Фраза была следующая: «Пошли вы к черту все!»

Он почитал ее сначала слева направо, а потом справа налево.

Справа налево получилось так: «есв утреч к ыв илшоп!»

Красиво получилось.

Было совершенно ясно и понятно, что никакого его одобрения не требуется. Программу давно утвердили, и меняться она не будет ни при каких обстоятельствах. Илья Весник — начальник пиар-службы издательства — славился тем, что мог «продать» любого, даже самого завалившего автора. Дополнительно пиарщик славился тем, что из-за писательской истерии никогда не менял концепций и стратегий, а над самими «инженерами человеческих душ» смеялся и дам называл «звезда моя», а инженеров мужского пола «гений ты наш».

Таким образом, выходило, что звезда была как бы «его» личная, а гении все «наши».

Спорить бессмысленно. Есв утреч к ыв илшоп!

— И когда мы едем... одобрять программу?

— Сегодня к пяти. На пять назначено совещание. Будет пиар-отдел и отдел рекламы.

— Замечательно, — пробормотал Дмитрий Андреевич, по совместительству Аркадий. — Чудесно просто. А писать я когда буду? В самолете? Или в Киеве?! Или когда?! У меня два трупа, и вообще какого лешего!..

Маша прибрала с шахматного столика свою па-

почку, покосилась на окно, помолчала и спросила тоненьким голосом:

— Я пойду, Дмитрий Андреевич? У меня еще звонки.

— Давай, — разрешил он, — вали. И не забудь Веснику позвонить и сказать, что до Киева никаких интервью.

— До Киева осталось два дня, — проинформировала Маша. — Точнее, полтора, потому что сейчас уже половина второго. А на завтра назначено НТВ.

— Как?!

— Назначали вы сами. Помните, вы ужинали с продюсером «Новостей» и он вас приглашал?

Оттого что Маша права, а она была права почти всегда, он рассердился всерьез.

Знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский — по паспорту Дима Родионов — пробормотал неприличное слово, которое его секретарь предпочла не услышать, уткнулся в компьютер и стал быстро печатать.

Маша постояла-постояла на пороге и тихо вышла. На темном полу лестничной площадки лежал светлый шелковый ковер, привезенный прошлым летом из Турции. Маша присела и положила на него ладонь.

Не соврал пожилой турок, продавший им ковер. У турка были пышные канибадамские усы, белоснежная рубаха, и молодые помощники, одним движением словно разливавшие на полу перед покупателями целые озера благородного шелка, называли его «эфенди». В жару ковер казался прохладным, а зимой теплым, как будто райские цветы на нем навсегда впитали южный зной.

Если бы у шефа был просто скверный характер, это еще полбеды. Ничего страшного. Подумаешь,

скверный характер!.. Мало ли характеров она пере-
видала на всех своих многочисленных работах! Но
Маша Вепренцева в своего шефа была, разумеется,
тайно влюблена, и это было так же бессмысленно и
глупо, как если бы она влюбилась в Михаэля Шу-
махера. Или в Ральфа. Или в них обоих.

Даже если бы Маша осталась последней жен-
щиной на земле, знаменитый писатель Аркадий
Воздвиженский, по паспорту Дмитрий Андреевич
Родионов, не обратил бы на нее никакого внима-
ния. То есть, убедившись, что, кроме них, на плане-
те больше никого нет, он выразил бы неудовольст-
вие по поводу грядущих неудобств, которые будут
отвлекать его от работы, и попросил бы Машу сва-
рить ему кофе.

Там, где Маша трогала ковер ладонью, он будто
чуть выцветал — шелковые ворсинки приминались
и как-то по-другому отражали свет, турок-эфенди
объяснял это тем, что с разных сторон ковер
по-разному «глядит на солнце».

Если бы у шефа был просто скверный характер,
она справилась бы с ним, а если бы не справилась,
то ушла с работы, но она была в него влюблена и
потому очень от него зависима. Уволиться означало
бы отказаться от него, а она никак не могла этого
сделать, хотя прекрасно понимала, что это единст-
венный выход.

А может, его вовсе нет. «Выхода нет» — так пи-
шут на дверях метро.

За кабинетной дверью, в двух шагах от нее за-
звучали шаги, и она поспешно вскочила, заметалась
и сбежала на несколько ступенек вниз по полиро-
ванной английской лестнице.

Шеф эту лестницу на самом деле заказывал в
туманном Альбионе и несколько месяцев ждал, ко-
гда ее доставят. Доставка из Альбиона оказалось де-

лом чрезвычайно сложным и продолжительным. Видимо, мало кому приходило в голову доставлять лестницы оттуда.

— Маня, не мечись, — приказал шеф с площадки. — Ты что? Ковер гладила?

Здрав голову, Маша посмотрела на него. Он стоял, свесившись вниз, и улыбался. Она улыбнулась в ответ.

— Ты на меня обиделась?

— Нет.

— А почему я чувствую себя виноватым?

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер!

— Не обижайся на меня.

Сейчас он скажет, что не любит, когда у него что-то пропадает и когда его отвлекают.

— Я терпеть не могу, когда у меня пропадают файлы и когда мне мешают работать.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

— Сварить вам кофе?

Он подумал, подтянулся и сделал на перилах стойку на руках. Маша ахнула. Свитер великого писателя упал вниз, обнажив живот, и джинсы тоже поехали, открывая волосатые лодыжки.

— Вы с ума сошли! Здесь высоко, вы упадете!

— Если упаду, ты меня похоронишь, — не слишком внятно, оттого что стоял вниз головой, сказал он, — ибо я убьюсь насмерть.

Потом издал некий залихватский рык, словно подтверждающий его молодецкую удачу, описал ногами дугу и приземлился на площадку. Что-то жалобно зазвенело, и финал представления оказался смазан из-за люстры, которую он задел то ли головой, то ли рукой.

— Дмитрий Андреевич, осторожней!

Люстра покачалась-покачалась, но осталась висеть, и они перевели взгляд с потолка друг на друга.

— Почему все мешают мне работать? — осведомился великий писатель брюзгливо, словно не он только что выскочил на площадку с извинениями. — Почему я не могу сесть и спокойно написать свои десять страниц?! Или двадцать страниц?! Или сорок?! Почему я принужден вести какие-то идиотские разговоры, когда я до сих пор не знаю, как мне связать один труп со вторым?! И вообще не знаю, связаны ли они?! И когда это все кончится?!

Голос звучал все тише, потому что писатель удалялся в сторону своего кабинета, и наконец смолк совсем, потому что Родионов сильно захлопнул за собой дверь.

Маша вздохнула с облегчением, постояла, приунывая, и побежала вниз.

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер! А еще лучше, если бы он был подлец, поедающий на завтрак беззащитных секретарш и чужих детей! Она бы тогда быстренько его разлюбила, освободилась и стала бы обычной сотрудницей, исполнительницей, проницательной, деловой, профессиональной и какой угодно.

Подлецом он решительно не был. И вообще он был хорошим начальником. Каждый раз, когда ему казалось, что она чем-то обижена, он смешно каялся, из командировок привозил ей подарки, а на Восьмое марта покупал мимозку — мечта, а не начальник!

Кроме того, думала Маша уныло, ожидая, пока закипит вода в чайнике, влюбиться в шефа — это просто классический сюжет для комедии. Или мелодрамы.

Для жизни этот сюжет не подходит вовсе. И она

понимает это лучше всех. Ну, а он ни о каких таких сюжетах даже не догадывается. И слава богу.

Зазвонил телефон, и она проворно сняла трубку. Хоть в кабинете и не слышно, но на всякий случай стоило поспешить.

— Да.

Молчание и какие-то потусторонние шорохи, вечные спутники стационарных квартирных телефонов.

— Алло! — повторила она с некоторым нажимом. Так бывало по нескольку раз в день. Аркадий Воздвиженский знаменитость, и у него уйма поклонников, с которыми Маша всегда разговаривала вежливо, но непреклонно.

— Алло?

— Скажи своему писака, чтобы сидел в Москве и не рыпался, — проговорили в трубке отчетливо. — Как-нибудь в Киеве без него разберутся, а он...

— Вы ошиблись, — быстро сказала Маша и повесила трубку.

Что за идиотизм?! Кто это может быть?!

Телефон снова зазвонил, и было совершенно ясно, кто звонит, и она решила, что ни за что не снимет трубку. Чайник на плите тоненько свистнул, приноровился и надал в полную силу.

Маша быстро переставила его на холодную конфорку. Телефон звонил.

У Дмитрия Андреевича в кабинете ничего не слышно, она это точно знает.

Телефон надрывался.

Изоляцию делали так, чтобы звуки туда не проникали, и Маша сама проверяла — по мобильному звонила из кабинета на домашний номер.

Телефон разрывался от звона. Может, подушкой его накрыть от греха подальше?..

На лестнице загрохотало, загремело и завылло:

— Маша!! Какого черта ты трубку не берешь?!

Значит, все-таки слышно! Она сорвала трубку с разорвавшегося телефона, толкнула дверь в кладовку, нырнула туда и закрыла за собой дверь.

— Алло!

— Ты трубками не бросайся, курочка! Пробросайся! Ты скажи ему, вперед пусть место себе на кладбище закажет. Какое больше нравится, а то, когда его привезут из Киева, выбирать он уж не сможет!

— Вы ошиблись номером, — размеренно произнесла Маша. — Набирайте правильно.

— Ты, курочка, язычок свой прикуси и слушай, — сказали в трубке весело, — если твой козырь из Москвы хоть шаг шагнет, будут ему полные виллы. Последние дни доживает. И не крутись ты, курочка, а слушай! Значит, ни в какую милицию ты не звонишь и никому ничего не рассказываешь. Говоришь своему писаке драному, чтоб в Москве сидел и не вылезал.

— Послушайте...

— Заткни клюв, дура, — миролюбиво посоветовали в трубке. — Ты че? Не въезжаешь, что ли? У тебя детей сколько, дура?

Маша Вепренцева уронила расписную чайную коробочку, которую держала в руке. В коробочке у нее хранились кофейные зерна. Она кофе собиралась варить.

— Ну? Че застыла-то? Лера и этот твой... Силь-встр. Это скока будет, почитай, ё...! Почитала?

Маша взялась за стену.

— Ну, почитала, значит. Вот если только слово одно скажешь, я сначала козлику твоему яйца отрежу, а потом подожду. Посмотрю, как он без них скакать станет. А потом козочку, значит, приспособлю. И только после, после, золотая ты моя ку-

рочка, ножиком по горлу, да так, чтобы один другого видел. Чтоб веселее помирать-то им! Поняла, что ли?

— Вы... кто?

— Конь в пальто, — моментально отозвался голос в трубке и радостно заржал, — тебе не все равно, кто я, а? Ты поняла, дура, что ездить никуда не надо, или повторить еще раз?..

Маша швырнула трубку о стену, на которой висел телефон, и помчалась к входной двери. Трубка болталась и подпрыгивала на витом шнуре, и внутри нее болтался и подпрыгивал отвратительный голос, говоривший ей такое страшное, что она даже дышать больше не могла.

В сумке был мобильный, и, натягивая пиджак, Маша пыталась его отыскать. В горле было сухо, и голова гудела, словно она швырнула трубку в собственную голову.

Мобильный никак не находился, а она должна немедленно позвонить домой. Прямо сейчас. Господи, помоги мне! Помоги мне немедленно!..

— Маша?

Она не оглянулась, и даже по ее спине было ясно, что произошло что-то ужасное.

Дмитрий Андреевич, который терпеть не мог, когда ему мешают, который и вышел только для того, чтобы устроить секретарше разнос за то, что та подняла в доме такой шум и практически устроила факельные шествия, мгновенно сбежал с лестницы и схватил ее за воротник пиджака, как нашкодившего школяра. Он умел отличать баловство и капризы от... настоящих проблем.

— Маша!

Она не могла найти телефон. В этом телефоне в данный момент был весь смысл ее жизни. Она должна позвонить и не может найти мобильник!

— Маша, приди в себя!

Она искала.

Дмитрий Андреевич вырвал у нее сумку, бросил ее на стол, потряс секретаршу за воротник и затолкал в кухню. Она сопротивлялась, но он был сильнее.

— Так, в двух словах. Что случилось?

Маша Вепренцева была обыкновенной женщиной. То есть самой обыкновенной. В героини сериала она решительно не годилась.

Это только в сериале героиня, узнав от темных сил, что они ей угрожают, и выслушав требование «никому ничего не говорить», в самом деле никому ничего не говорит! То есть свято верит в то, что «темные силы» плохого ей точно не посоветуют! Еще не было в природе ни одного сериала, где героиня немедленно рассказала бы о своих проблемах герою, а тот позвонил бы в милицию или в сыскное агентство, и проблемы бы моментально уладились. Впрочем, тогда и сериала бы никакого не вышло.

Она тяжело дышала, отводила в сторону глаза, и телефонная трубка на витом шнуре покачивалась и легко ударялась в стену, как ленивая лодочка в зеленый бережок. Писатель Аркадий Воздвиженский взял трубку, послушал и вернул ее на аппарат.

Его секретарша схватила со стола бутылку, глотнула воды, поперхнулась, закашлялась. Потекло по подбородку и капнуло на пиджак.

— Дети, — сказала она хрипло и вытерла подбородок тыльной стороной ладони. — Он сказал про детей. Мне надо позвонить, Дмитрий Андреевич.

— Кто сказал?

— По телефону... Он сначала сказал, что вы в Киев ехать не должны, или будут вам... длинные грабли.

— Маш, ты в своем уме?

— Да-да! — повторила она быстро. — Он сказал, если вы поедете, чтобы место на кладбище сначала присмотрели, потому как потом поздно будет. И после про грабли.

— При чем тут грабли?!

Маша глотнула еще воды, еще раз утерла рот и посмотрела мимо него. В виски ломился адреналин, будто она только что чудом избежала смертельной опасности и еще до конца не осознала это.

Надо бежать, бежать, гнал адреналин, ну, беги, ну, что же ты стоишь?!

— Дмитрий Андреевич, мне надо позвонить. Детям позвонить, прямо сейчас... Он еще сказал, что их... убьет. Он, наверное, их похитил.

Родионов посмотрел на нее, прищурился глазами, — она явно была не в себе. Из ее обрывочных фраз он ничего не понял, но вдруг осознал, что все... всерьез. Был какой-то разговор, напугавший ее до смерти, и этот разговор означает, что у них проблемы. Очень большие проблемы.

Он не хотел проблем, ни больших, ни маленьких. У него их и так хоть отбавляй. Он уже твердо знал, что задержит рукопись по меньшей мере на месяц, а для издателя это катастрофа, конец света, ведь есть некое магическое словосочетание, заклинание практически. Звучит оно не слишком поэтично. «Издательский план» — вот как оно звучит, но несмотря на полное отсутствие поэзии, магия этого словосочетания известна каждому автору.

Сдал роман вовремя — молодец. Не сдал — подлец.

Беда.

Беда-а!..

Дополнительная беда секретарши Маши была ему совершенно ни к чему. То есть решительно ни к чему.

— Где сейчас должны быть дети?

— У... у бабушки. То есть Сильвестр у бабушки, а Лерка... господи, я не помню... Лерка в саду, где же еще!

— Ну так звони! — велел Родионов грубо. Специально так грубо, чтобы она перестала косить глазами и облизывать губы. Ему казалось, что она в обморок грохнется. Что тогда прикажете с ней делать?!

— Телефон... не могу найти.

— Вот тебе телефон, — и он сунул ей трубку, которая только что была пристроена на аппарат на стене. Маша отшатнулась, словно он сунул ей в лицо гадюку.

Ах да. Именно из этой трубки ей... угрожали.

Вот черт. Из заднего кармана джинсов он извлек свой телефон. Пластмассовый корпус был теплый, и Дмитрий Андреевич вдруг сконфузился из-за того, что он нагрелся у него... на заднице.

Но Маша ничего не заметила, про задницу Дмитрия Андреевича даже не подумала. Набрала номер и стала ждать, глядя в одну точку бессмысленным взглядом.

Родионов, покорившись судьбе, — вот как тут прикажете книжки вовремя сдавать?! — нажал кнопку на электрическом чайнике. Кофе выпить, что ли?..

...И что это она так переполошилась? Мало ли сумасшедших звонит?! Да в день по несколько раз, и что? Ничего. Маша всегда сдержанна и непреклонна, а тут вдруг так... распустилась. Или все дело в детях и в том, что придурок наговорил что-то про них?

У Родионова не было детей, и он понятия не имел, как чувствуют себя те, у кого они есть.

— Мама? — выговорила его секретарша быст-

ро. — Мама, у вас все в порядке? Сильвестр пришел? Когда придет? Мама, нет, не отпускай его никуда. Бог с ним, с теннисом, мама! Нет, ты слышишь меня или нет? И Лера... Ничего не случилось. Нет, ничего...

Родионов едва заметно пожал плечами и стал методично, одну за другой, открывать дверцы шкафчиков. Он искал кофе.

Женщины — непостижимые существа. Понять, что происходит у них в голове, невозможно.

Ну, вот это что такое?!

Она звонит матери и истерическим голосом спрашивает, все ли в порядке. Потом велит никуда не отпускать ребенка, даже и на теннис не отпускать, а потом, когда мамаша уже вполне готова отправляться в Институт Склифосовского с сердечным приступом, сообщает — все, мол, хорошо, ты, главное, не волнуйся. Это я так. Бдительность проявляю.

Ну что? Лектор¹ готов? Лектор давно готов!..

Видимо, мать тоже была уже «готова», потому что Маша долго бубнила, что нет никаких причин для беспокойства, и увиливала от прямых вопросов, и пыталась попрощаться, и никак не могла.

Родионов насыпал кофе в две кружки и налил кипятку из чайника. Теперь хорошо бы еще найти сахар или хоть шоколадку, что ли. Пожалуй, лучше шоколадку.

Маша наконец отделалась от матери, нажала на телефоне «отбой» и повернулась к нему. Вид у нее стал менее дикий, но все же он ясно видел, что она готова сию минуту бежать.

---

¹ Имеется в виду персонаж фильма «Молчание ягнят» — Ганнибал Лектор.

Куда?.. Зачем?..

— Он сказал, — выпалила Маша, и Родионов остановился, не донеся до рта кружку, — что вы не должны ехать в Киев. Что вы должны остаться в Москве, иначе будут вам полные вилы.

— Как же вилы? — удивился Родионов. — Раньше ты говорила — вроде грабли!

— Вот вы шутите, Дмитрий Андреевич, а на самом деле...

— На самом деле это все чушь, — перебил ее Родионов, который после слова «вилы» вдруг перестал утешать себя тем, что это чушь, и забеспокоился.

— Это не чушь! — выкрикнула Маша Вепренцева. — Он сказал, что... если я вам расскажу, он... он...

Повторить то, что говорила ей трубка, она никак не могла. Про Сильвестра и про Леру, про ее детей! Ну, не могла, и все тут! Поэтому Маша сказала:

— Он грозился... убить их, если я только кому-нибудь расскажу!..

Знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский, в миру Дима Родионов, хлебнул еще из своей кружки, а потом устался в нее, словно ожидая, что там будут показывать нечто интересное. В кофейной черноте кривовато и волнообразно двигалось отражение лампочки на потолке и половина его, Родинова, щеки.

Побриться бы надо, перед тем как к Веснику ехать.

— А голос? Мужской или женский?

— Скорее... скорее мужской, — она вспомнила отвратительное холодное кваканье — смех, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

Никто не смеет угрожать ее детям. Никто и никогда! Тому, кто посмеет, придется иметь дело с ней, с Машей Вепренцевой, а это большая сила!

Очень большая. Очень.

Хотя на самом деле маленькая.

Но только до той минуты, пока какая-то сволочь не начинает угрожать ее детям!

— То есть он сказал, что, если мы поедem в Киев, мне будут... вилы и еще он убьет твоих детей.

— Да, — хрипло подтвердила Маша. — Но не сразу.

— Что не сразу?

— Убьет... не сразу.

Родионов посмотрел на нее и понял, что тему лучше не развивать.

Он глотнул еще кофе и поморщился — он не любил растворимый. Зачем только секретарша держит его в офисе? Журналистов, что ли, поит? Из экономии?

— Маша, я думаю, что это все ерунда, просто ненормальные развлекаются. Нужно поехать в издательство и переговорить с Весником или с кем-то из службы безопасности. Или с Марковым. Марков-то уж точно во всем разберется, причем быстро.

Валентин Марков был одним из владельцев издательства — молодой, напористый и решительный мужик, по слухам, друживший с «самим Тимофеем Кольцовым», олигархом, которого до сегодняшнего дня никому пока не удалось ни истребить, ни упечь в каталажку. Тимофей Ильич на упористых словных ногах стоял твердо, на мир поглядывал исподлобья, шуток ни с кем не шутил, в Куршавеле мировую элиту из себя не изображал, яиц Фаберже, футбольных клубов, а также домов высокой моды и Виндзорских дворцов не покупал. Никому не удавалось с ним... поладить, ибо он даже близко никого к себе не подпускал, а вот Марков как-то сумел к нему приблизиться и войти в доверие.

Родионов Маркова слегка опасался, и, встреча-

ясь, они, как два опытных и осторожных хищника, кружили друг возле друга, косили глазами, трепещущими ноздрями втягивали воздух и молниеносно дергали боками — от высокого напряжения чувств и эмоций. Они нуждались друг в друге, ибо что писатель без издателя, что издатель без писателя — никуда и ни к чему не нужен! Родионов очень не любил ни о чем Маркова просить, и Маша об этом отлично знала, а потому его великодушие оценила, даже несмотря на ужас, который хоть и разжал зубы, но все равно еще скалился поблизости от ее горла.

— Но ведь он говорил про Киев, — пробормотала Маша, сглатывая слюну, отравленную ужасом. — Он говорил, чтобы вы не ездили в Киев! Откуда он знает, куда вы едете, если он ненормальный и развлекается? И откуда он знает имена моих детей?!

Родионов подумал.

Про киевскую командировку и вправду никто не знал, даже его мать, которой он давным-давно не звонил. Только вчера Маша поругалась с менеджером из рекламной службы издательства, потому что информацию о поездке сто лет назад должны были вывесить на личный родионовский интернет-сайт, да так и не вывесили.

Значит, кто-то свой говорил про вилы и угрожал Машиным детям? Или человек, который знал кого-то из своих, кто знал про поездку и разгласил секретные сведения?! Родионов покрутил головой для прояснения сознания.

В шее что-то хрустнуло, а сознание так и осталось довольно мутным.

Он писал детективы уже восемь лет и считался «корифеем жанра», но в жизни с ним никогда не приключалось никаких детективных историй! Даже бизнесом когда-то он занимался очень скучно и с

упорством дебила. И бизнес был скучный, и окружение скучным, и бумаги были скучными, и банки — тоже скучными, иностранными, никогда не прогорали, зато исправно платили проценты, и скучный Дмитрий Родионов уходил на пенсию скучным богатым бюргером. Бизнес он продал, положил в банчок еще кучку денег, повздыхал на свободе, пару раз съездил с гоп-компанией друга Серёги «на острова», пару раз там нырнул с аквалангом, пару раз напился, столько же раз проснулся поутру невесть с кем и заскучал уже свирепо, до ненависти к себе.

От скуки и пришло ему в голову романчик сочинить! И хорошо, что пришло!.. Друг Серёга был рядом, он-то и порассказал историй про нормальных, совсем не скучных ребят, и Дмитрий Андреевич осторожненько эти истории поместил в свое произведение — так, чтобы никто из героев не догадался и не обиделся.

Никто не догадался и не обиделся, а Валентин Марков детектив напечатал, и началась игра на интерес, которая продолжалась уже восемь лет.

За это время из скучающего бизнес-пенсионера Дмитрий Андреевич Родионов превратился в Аркадия Воздвиженского, «гения нашего», звезду, «талантище», и времени у него ни на что не хватало, и работы оказалось выше головы. И бессонница у него появилась, как у всякого порядочного молодого мужчины, и обмирающие курсистки стали бросать на Родионова томные взгляды и подносить ему блокнотики для автографов. И все телевизионные передачи до одной были счастливы, когда удавалось договориться со строгой и избирательной пресс-службой и еще более строгим и избирательным секретарем Вепренцевой об участии в них господина Воздвиженского. И мобильный номер приходилось ме-

нять примерно раз в полгода, потому что вездесущие журналисты узнавали и принимались ему звонить, а он... он не желал славы и почестей, он был вполне счастлив в тишине и покое своего английского кабинета, наедине со своим романом, ему не нужно было всей этой суеты, обожания, поклонников, поклонниц...

И все это такое же вранье, как и то, что его никогда не интересовали гонорары!..

Сказку про то, что гонорары его не интересуют, он сочинил сам, специально для Валентина Маркова. Неизвестно, поверил в это Марков или нет, однако исправно платил Родионову и условия игры принял. Если гению не угодно признаваться, что он меркантилен и суетен, как все смертные, — пусть его не признается, мы тут, в миру, про суетность все очень хорошо понимаем.

Спору нет, он прожил бы и без гонораров, только на свои «пенсионные», накопленные скучным бизнесменским трудом, но зарабатывать Дмитрий Родионов, в отличие от Аркадия Воздвиженского, умел и более всего любил себя в искусстве, именно когда получал гонорары — очень, очень, очень «достойные», как выразился один немецкий издатель, возжаждавший печатать труды господина Воздвиженского в фатерлянде.

Детективы Аркадию удавались отлично — запутанные, мрачноватые, похожие на пресловутую «пламенеющую готику», всегда изящно, хоть и не слишком благополучно, завершавшиеся. Еще он превосходно умел держать себя, перед камерой никогда не пасовал, журналистов не боялся, запретных тем не избегал — в общем, находка, а не писатель!..

Но в жизни — никогда никаких детективов, а

тут на тебе, откуда ни возьмись! Да еще с угрозами и прочими непонятностями!..

— Дмитрий Андреевич, я должна ехать, — задыхающимся голосом прервала Маша его размышления о своей судьбине и о месте детектива в ней. — Мне нужно... детей спасать.

— Никого спасать тебе не нужно, — возразил писатель Воздвиженский. — Он велел передать... что?

— Чтобы вы не ездили в Киев.

— Вот именно. А я пока в Киев не поехал еще. А раз не поехал, твоим детям ничего не угрожает.

Его секретарша поняла все наоборот. Женщина всегда понимает то, что говорит мужчина, с точностью до наоборот.

Она поняла не то, что сейчас нет никакого повода для паники и ужаса, а то, как только Родионов укатит, ей придется эвакуировать семью куда-то примерно в район Северного полюса.

И еще она почему-то решила, что он не поедет! Ну раз кто-то угрожает ее детям и для их безопасности следует оставаться в Москве, значит, нужно в Москве и остаться!..

— Боже мой, что же делать?..

— Маша!

— Если вы уедете... я же должна с вами ехать, а я не могу...

— Маша!

— Мне придется их увезти, но... куда? Господи, у нас все родственники в Москве, даже и уехать некуда...

— Дьявол! Маша!!

Рефлекс сработал моментально и стопроцентно, как у собаки Павлова. Маша схватила со стола папку, сделала стеклянные глаза и по-сорочьи склонила голову набок.

— Да, Дмитрий Андреевич?

— Сейчас мы поедem в издательство, и я поговорю с Марковым. До этого разговора мы все равно ничего предпринять не сможем. Сейчас твоим детям ничего не угрожает. Поняла?

Секретарша кивнула.

— Повтори.

— Дмитрий Андреевич, шутить такими вещами...

— Да какими вещами!.. Что ты, ей-богу, психуешь! Сама рассказывала, как на прошлой неделе к Донцовой в дом какая-то поклонница ворвалась и руками там махала и чего-то требовала! Дочку ее чуть не до смерти перепугала! Или ты думаешь, что сумасшедшие только к Донцовой навешиваются, а наши почитатели все разумные и милые?!

Маша моргнула. Родионов сунул ей свою кружку с остывшим кофе.

— На, попей, а я пойду соберусь. И поедem. Чем раньше приедem, тем быстрее с Марковым поговорим. И не смотри ты на меня глазами скорбящей Богоматери!..

Он пошел было из кухни, но остановился:

— Где сейчас дети?

— Ле... Лера в детском саду, а... Сильвестр... он в школе, но через полчаса уже...

— Значит, из детского сада непонятно кому ребенка не отдадут. А Сильвестра мы заберем.

— Как... заберем?

— Из школы заберем, — сказал он с неудовольствием, — ничего, полдня с нами покатается.

Маша пришла в смятение. Предложение было очень и очень разумным, конечно, но отдавало таким неслыханным нарушением субординации, что согласиться на него ей казалось сущим безумием.

— Дмитрий Андреевич, это... невозможно и не

нужно. Я маме позвоню... вернее, уже позвонила, и она...

— И она уже слегла с мокрой тряпкой на голове, — продолжил за нее знаменитый писатель-детективщик язвительно. — Правильно я понял?

Он понял все правильно, но это не означало, что она имеет право тягивать его в свои проблемы! Или имеет?.. Или это не она его тягивает?.. И это не только ее проблемы?..

— Давай собирайся, — приказал гений, кажется, приходя в дурное расположение духа из-за собственного необдуманного благородства, — времени совсем нет!

Он вышел в коридор и проорал уже оттуда:

— Вот когда мне романы писать, чтобы вовремя их сдавать?! Когда, спрашивается?! Пойдешь сегодня сама к Маркову и будешь ему объяснять, почему я рукопись опять задерживаю.

Но первый раз в жизни Маше не было дела до его рукописей.

Телефонный звонок будто погрузил ее в зловонное и гадкое болото. И не просто зловонное и гадкое, но еще и кусачее, пиявочное, и десятки голодных пиявок с наслаждением впились в нее и теперь сосали из души все теплое и радостное, оставляя там страх и панику. Мирок Маши Вепренцевой хоть и не уподоблялся райскому саду, но все же был благополучен и мил и удобно устроен, и все в этом мирке было на своих местах — Дмитрий Родионов с его насмешливой уверенностью в жизни, Лера и Сильвестр, лучшие из детей, когда-либо существовавших на свете, мама, которая никогда не обременяла Машу нравоучениями, обожала внуков и имела еще одно очень важное качество. Что бы ни происходило в жизни дочери, она всегда была на ее стороне.